

Юрген Хабермас. Теория коммуникативной деятельности.

В 2 т. Перевод с немецкого А.К. Судакова. М.: Весь мир, 2022

Для цитирования: Миронова, Д.В.Г. Рецензия на книгу *Теория коммуникативной деятельности*, Юрген Хабермас. *Историко-философский ежегодник* 38 (2023): 456–462.

For citation: Mironowa, Dagmar W.H. Review of *Theorie des kommunikativen Handelns*, by Jürgen Habermas. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 38 (2023): 456–462. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 27.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 29.05.2023

Издание перевода книги Ю. Хабермаса, оригинал которой был опубликован впервые в 1981 г., является, несомненно, знаковым событием. Хотя список переведенных на русский язык работ Ю. Хабермаса довольно внушительный, его основные работы появились в переводе лишь в последние годы. Так как данную работу обычно называют одним из главных произведений Хабермаса (а то и самым главным), ее перевод на русский язык дает ключ к лучшему пониманию его творчества и представляет собой важную веху в ознакомлении русскоязычного читателя с подходом Хабермаса к проблеме коммуникации и вытекающим отсюда проблемам функционирования общества модерна и постмодерна.

Отталкиваясь от понятия жизненного мира, тех совместно разделяемых людьми, живущими в конкретном обществе, убеж-

дений, которые определяют их деятельность и являются фоном, на котором происходит коммуникация, Хабермас отмечает, что

резюмируя, можно сказать, что нормативно регулируемые действия, экспрессивные самоописания и эвалюативные проявления дополняют констативные речевые действия, создавая коммуникативную практику, которая, на фоне жизненного мира, ориентирована на достижение, сохранение и обновление консенсуса, причем консенсуса, основанного на intersубъективном признании допускающих критику притязаний на значимость (т. 1, с. 41).

По мере развития общества происходит рационализация жизненного мира. Если в архаичных обществах люди не отделяют свои субъективные представления от объективно воспринимаемого мира, в их картине мира они переплетены. Если картина мира носит мифологический характер, то, как правило, наличествуют поведенческие нормы, обязательные для всех и регулирующие, в частности, коммуникацию.

Когда у людей появляется все более развитая способность отделить объективно воспринимаемый мир от субъективных и мифологических представлений, отпадает необходимость ориентации на мифологически обоснованные нормы картины мира и растет доля собственных, рациональных решений, которые люди принимают. Рационализированный жизненный мир предоставляет отдельному человеку возможность принимать рациональные решения и вести рациональную жизнь. Хабермас посвящает большую часть своей работы анализу концепций социологов и философов, например М. Вебера, Лукача, Адорно, Маркса, Мида, Дюркгейма и Парсонса, чтобы (в противовес Адорно и Хоркхаймеру) показать значимость рациональности и разума в современности. В предлагаемом издании книги длинные англоязычные цитаты, которыми изобилует работа Хабермаса, даны в русском переводе, что существенно облегчает восприятие текста.

Действие является рациональным, если оно целенаправленно и ориентировано на успех, высказывание рационально, если его можно обосновать, критиковать и проверять. В качестве проверки выступает аргументация, т.е. обмен с другими участниками коммуникационного процесса, причем она выступает

как процесс, процедура и продукт. Выдвигаемое притязание на значимость (т.е. на истинность, соответствие ситуации и правдивость) может быть принято или отвергнуто другими участниками коммуникации. Целью коммуникативного процесса является достижение консенсуса.

Согласно Хабермасу, можно выделить, помимо коммуникативной, три формы человеческой деятельности – телеологическую (стратегическую), нормативно регулируемую и драматургическую – которые отличаются друг от друга различным отношением к миру (целенаправленное отношение к объективному миру; ориентация на ценности общества; субъективный мир человека) и определенным использованием языка (констативные, нормативные и экспрессивные высказывания).

Язык является также той средой взаимопонимания, которая характерна для коммуникативной деятельности.

Для коммуникативной модели действия язык релевантен единственно лишь с той прагматической точки зрения, что говорящие, пользуясь предложениями с ориентацией на взаимопонимание, вступают в отношения к миру, причем не только непосредственно, прямо <...>, но и рефлексивным путем. Говорящие интегрируют три формальные концепта мира, выступающие в других моделях действия поодиночке или попарно, в некую систему, и совместно предполагают эту систему как общую рамку интерпретации, в пределах которой они могут достигнуть взаимопонимания. Они уже не соотносятся напрямую с чем-то в объективном, социальном или субъективном мирах, но релятивируют свое проявление возможностью того, что его значимость будет оспорена другими акторами (т. 1, с. 123).

Так как коммуникативная деятельность нацелена на координацию действий партнеров, Хабермас изучает вопрос об условиях, которые должны быть выполнены, чтобы люди при помощи коммуникации смогли согласовывать свои действия. Реакции слушателя происходят на нескольких уровнях – он должен понимать значение высказывания и определить свою собственную позицию. Если он при этом принимает высказывание, он в соответствии с конвенциями, определяющими соответствующую

щую реакцию на высказывание, ориентирует свою деятельность, если нет, то участники должны путем аргументации выработать консенсус.

Соответственно, жизненный мир может рассматриваться как рационализированный в той мере, в какой он допускает интеракции, направляемые не нормативно приписываемым согласием, а – прямо или косвенно – коммуникативно достигнутым взаимопониманием (т. 1, с. 350).

Хабермас указывает, что требование действовать является понятным в том случае, если слушатель знает не только, каким образом можно его выполнить, что именно он должен делать, но и почему говорящий претендует на право потребовать от него определенного действия. Если речь идет не о требованиях, при которых говорящий ссылается на жестко установленные нормы, то слушатель сам решает, принять или не принять данное требование.

Взаимопонимание означает единение участников коммуникации насчет приемлемости некоторого высказывания; *согласие* [консенсус] – intersубъективное признание притязания на значимость, выдвигаемого говорящим для этого высказывания <...>. Так, в коммуникативной деятельности имеет силу правило, согласно которому слушатель, соглашающийся с тем или иным тематизированным притязанием на значимость, признает также и два других, имплицитно выдвигаемых притязания на значимость; в противном случае он должен объявить о своем несогласии (т. 2, с. 542).

В ходе развития человеческого общества происходит рационализация, которая приводит и к некоторым изменениям в коммуникационных процессах. Если в архаичных обществах мы наблюдаем довольно однородный, для всех участников более-менее схожий жизненный мир, общую религию и большую роль родственных отношений, то с развитием политических институтов большую значимость для человека приобретает занимая им должность. В результате возникают различные жизненные миры, характерные для формирующихся социальных классов. Общественные ценности уже не так тесно

привязаны к родственным отношениям, отделяясь от них, они становятся все более абстрактными.

В повседневной коммуникативной практике не существует совершенно неизвестных ситуаций. Новые ситуации также всплывают из некоего жизненного мира, построенного из всегда уже знакомого его членам запаса культурного знания (т. 2, с. 546).

Так как по мере утраты религией своего влияния, коммуникация во все возрастающей степени берет на себя задачи создания общественного согласия, ее значимость возрастает. В этом процессе все больше раскрывается заложенный в ней рациональный потенциал. Развиваются медиумы коммуникации – как традиционные (письменность, печатный станок и электронные формы), а также медиумы, заменяющие прямую коммуникацию, очень важные для современных обществ, – деньги и власть. Они позволяют оказать влияние, не добиваясь предварительного консенсуса.

Эти эрзац-медиумы управляют наиболее рационализированными сферами современной жизни – хозяйством и государственным управленческим аппаратом, отделяя их все больше от жизненного мира людей. Вместе с тем они его пронизывают с целью повлиять на него и управлять им. Так как они себя при этом ведут как колонизаторы, можно говорить о колонизации жизненного мира. Вместе с тем существуют отношения обмена между этими системами и жизненным миром: деньги, например, обмениваются на рабочую силу, государственная организация и ее услуги – на налоги и т.д. На фоне этих процессов развития уничтожаются традиционные формы жизни, как это красноречиво показала индустриализация. Власть и деньги имеют отрицательные последствия как для частной жизни человека – возникает потребительское мышление, – так, в результате растущей бюрократизации, и на общественную жизнь, в частности на спонтанные процессы формирования воли. Все эти процессы возникают в результате односторонней рационализации и приводят к тому, что у экономических и управленческих систем, а вместе с ними и у современного общества и современного жизненного мира обнаруживаются нездоровые черты, которые следовало бы исправить. Демократия и социальное

государство стремятся к смягчению отрицательных последствий, но возможности для этого ограничены.

Участники коммуникативной деятельности всегда движутся внутри горизонта своего жизненного мира; они не могут выйти из него <...>. Структуры жизненного мира устанавливают формы intersubjectivности возможного взаимопонимания. Жизненный мир – это как бы то трансцендентальное место, в котором встречаются говорящий и слушатель; где они могут выдвигать обоюдное притязание на то, чтобы их высказывания согласовались с миром (объективным, социальным или субъективным миром); и где они могут критиковать и подтверждать эти притязания на значимость, решать свои разногласия и достигать взаимного согласия (т. 2, с. 546).

Хотелось бы отметить очень высокое качество перевода. А.К. Судаков вдумчиво подходит к передаче сложной проблематики, терминологии и непростого языка Ю. Хабермаса. Это просто титанический труд. Однако утверждение на обложке книги: «Отметим, что в литературе на русском языке концепцию Хабермаса часто называют теорией коммуникативного действия, что неточно» – вызывает двоякое отношение. С одной стороны, я понимаю всю сложность перевода термина «Handeln» на русский язык, особенно если его еще и надо разводить с термином «Handlung». С другой – нет уверенности в том, что «деятельность» более точно передает содержание.

Естественно, перевод отдельного термина всегда теснейшим образом связан с контекстом и с традицией. С точки зрения традиции «действие» – вполне распространенный вариант. Учитывая то обстоятельство, что Хабермас в данной работе (и не только в ней) обращается к веберовскому «soziales Handeln», отметим, что последний оборот в более ранних переводах (не вызывая вопросов, так как немецкое слово не указано в скобках) был передан как «социальное действие»¹ и стал устойчивым. В более новом варианте перевода А.Ф. Филиппов

¹ Макс Вебер, «Основные социологические понятия», в Макс Вебер, *Избранные произведения*, пер. М.И. Левиной (М.: Прогресс, 1990), 602.

использует «действие», что, вероятно, оправданно², учитывая указанные сложности перевода.

Если мы обратимся к сравнению значения слов «Handeln» на немецком языке, и «деятельность» – на русском, мы обнаруживаем достаточно солидное расхождение. Немецкое «Handeln» в любом случае подразумевает действие человека, нацеленное прямо или косвенно на другого человека, действие, которое осуществляется намеренно, и если речь идет о философском понимании термина, то это действие, в котором так или иначе присутствует и момент ответственности. То есть «Handeln» связано с кантовским вопросом «Что я должен делать?», с проблемой долга и свободой воли. «Деятельность» в своем категориальном (философском) употреблении подразумевает, конечно, тоже целенаправленное отношение к внешнему миру, изменение его и самого человека. Но в наиболее, пожалуй, широко распространенном понимании этого слова, деятельность, в зависимости от типа потребностей, на удовлетворение которых она нацелена, делится на материальную, общественно-политическую и духовную³. Это значительно шире, чем сфера использования «Handeln». Поэтому я не уверена, что от использования понятия «деятельность» передача смысла стала точнее.

Выход в свет перевода основополагающего труда Ю. Хабермаса является, безусловно, знаковым событием, с которым можно поздравить все философское сообщество, А.К. Судакова и издательство.

Д.В.Г. Миронова

МГУ им. М.В. Ломоносова

119991, ул. Ленинские горы, д. 1, ГСП-1, г. Москва, Россия

dagmar@mail.ru

² Макс Вебер, «Основные социологические понятия», пер. А.Ф. Филиппова, *Социологическое обозрение* 7, № 2. (2008): 89–127.

³ См., например: «Деятельность», в *Новейший философский словарь*, <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/393-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ> (дата обращения: 20.04.2023).